

А.Л. Кузьминых
доктор исторических наук,
профессор кафедры философии и истории психологического
факультета

Вологодского института права и экономики ФСИИ,
г. Вологда

С.И. Старостин
ведущий архивист Вологодского областного архива новейшей
истории,
г. Вологда

**АНТИСОВЕТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИФРОНТОВОГО РЕГИОНА НАКАНУНЕ
И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(По документам партийно-государственных
и ведомственных архивов Вологодской области)**

Накануне Великой Отечественной войны в СССР окончательно оформляются контуры политического режима, который одни исследователи называют тоталитарным, другие – военно-мобилизационным, третьи – административно-командным. Одним из типологических признаков этого режима был тотальный контроль со стороны власти за политическими настроениями в обществе. Эта функция возлагалась на органы государственной безопасности, в структуре которых были сформированы специальные подразделения, известные как секретно-политические отделы (СПО).

Изучение политических настроений населения весьма перспективно, так как позволяет выявить точки напряжения, существовавшие в системе «власть – общество», реконструировать социальную реальность рассматриваемого периода, рассмотреть типичные страхи и ожидания советских граждан, стратегии их выживания в экстремальных условиях предвоенной мобилизации и военного времени. Целью настоящей статьи является изучение феномена антисоветских настроений среди населения прифронтового региона накануне и в начале Великой Отечественной войны на примере Вологодской области.

Источниковая база статьи представлена информационно-аналитическими документами территориальных органов НКВД за 1937–1943 гг., находящимися на хранении в архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области и Вологодском областном архиве новейшей политической истории. Наиболее типичными видами данных документов являются докладные записки и специальные сообщения с анализом типичных высказываний населения по поводу происходящих событий. Характерная особенность этих источников – акцент на освещении «негативных» настроений, представлявших наибольшую опасность для сталинского режима. Органы госбезопасности с помощью осведомителей и перлюстрации почтовой корреспонденции тщательно фиксировали любые факты, касающиеся критики советской власти, сомнений в победе Красной армии, недовольства ситуацией на фронте и в тылу.

Изученные документы позволяют говорить о том, что накануне войны в обществе существовало скрытое и явное недовольство, вызванное внутренней и внешней политикой сталинского руководства.

Население отчетливо осознавало, что сложившаяся в стране модель управления далека от демократических принципов, которые декларировала сталинская Конституция 1936 года. Это проявлялось в скептическом отношении к выборам в центральные и местные органы власти. Так, в спецсообщении Управления НКВД по Вологодской области от 14 ноября 1939 г. отмечалось: «В связи с подготовкой к выборам в областные, городские, районные и сельские советы депутатов трудящихся отмечен ряд фактов контрреволюционных проявлений. Так, колхозник деревни Ельнинское Череповецкого района во время изучения “Положения о выборах” сказал: “Этими выборами нам только дым в глаза пускают, а на самом деле, кого они хотят, того и выберут. Нас спрашивать не будут”»¹.

Рост недовольства вызывал низкий уровень жизни в СССР, особенно в сравнении со странами Запада. К примеру, агитатор вологодского «Нефтесбыта» М. сообщала в вышестоящую инстанцию: «Мне рассказывают домохозяйки, что муж одной дамы с Красной Армией вошел в Польшу, оттуда прислал жене много хорошего шелку, обуви и др. предметов, которых у нас и во сне не увидишь. А мне, как агитатору, приходится говорить, что у них гнет и нищета были, а у нас живет хорошо, тогда как, фактически, получается наоборот»².

¹ Архив УФСБ России по Вологодской области (Архив УФСБ России по ВО). Ф. 1пх. Оп. 2. Д. 1. Л. 241.

² Там же. Л. 242–243.

Характерной чертой сталинского стиля руководства были настойчивые попытки путем усиления административного нажима и репрессивных мер повысить эффективность хозяйствования и решить социальные проблемы. «Советский Союз хвастает, что мы хорошо живем. Передают по радио, что в Германии голод, нищета и безработица. Верно, что в СССР нет безработицы. Знают, как работу дать: 5 лет дадут, вот и работа», – именно так объяснял достижения СССР в борьбе с безработицей рабочий-стекольщик А. из Вологды³.

Глухой ропот среди вологжан вызвало принятие законов, ужесточивших трудовую дисциплину. В спецсообщении УНКВД от 8 марта 1939 г. «О реагировании и извращениях в Череповецком районе в связи с проведением в жизнь постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28/ХІІ–38 г. по вопросу о труддисциплине» отмечалось, что выход данного закона, усиливавшего меры наказания для нарушителей трудовой дисциплины, стал поводом для массовых увольнений рабочих и служащих. К примеру, только за январь 1939 г. в Череповецких судебных мастерских 71 рабочий был уволен с работы, еще на 48 чел. было наложено административное взыскание⁴. «Это дурацкий закон и издали его дураки... Правильно ли будет, если меня, честного работника, работающего на фабрике десятки лет, уволят за опоздание на 25 минут»⁵, – именно так прокомментировал новые законодательные инициативы мастер бумажно-картонной фабрики имени 7-й годовщина Октября.

Аналогичным образом отреагировало на выход указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г. И хотя территориальные органы НКВД рапортовали в Москву, что данный указ «встречен с одобрением широкими массами рабочих и служащих» и «вызвал небывалый подъем производственной активности трудящихся», они не забывали упомянуть об «отрицательных высказываниях». Сообщалось, что граждане расценивали выход упомянутого указа либо как «введение крепостного права», либо как «издевательства над трудящимися», либо как «способ пополнения тюрем»⁶. Так, кладовщик завода «Северный коммунар» среди рабочих посетовал: «Даже Максим Горький говорил, что, если труд недобровольный, так это барщина. А что теперь сделали? Хочешь, не хочешь, а работай»⁷.

³ Там же. Л. 139.

⁴ Там же. Л. 87.

⁵ Там же. Л. 85.

⁶ Там же. Ф. Зпх. Оп. 24. Д. 1. Л. 196–199.

⁷ Там же. Л. 197 об.

Помимо происходящего в СССР, вологжане активно обсуждали события на международной арене. При этом действия сталинского руководства вызывали неоднозначную реакцию среди населения. Так, один из колхозников 15 октября 1939 г. по вопросу об «освобождении» Красной армией Западной Украины и Западной Белоруссии заметил: «Большевики на словах говорят, что нам чужой земли не нужно. Зачем же они перешли польскую границу и захватили чужую землю? Выходит, что и большевики не лучше капиталистов»⁸.

Рост международной напряженности, обусловленный агрессивной политикой Германии, неизбежно ставил вопрос: Какова роль СССР в приближающейся мировой войне? Сможет ли он противостоять формирующейся коалиции фашистских государств? Как свидетельствуют архивные документы, далеко не все советские граждане верили в возможность победы «малой кровью» и «на чужой земле». В спецсообщении УНКВД от 1 апреля 1939 г. «О реагировании населения по вопросам международного положения» отмечалось: «Проходящий 18-й съезд ВКП(б) и вопросы международного положения находят широкий отклик среди всех слоев населения. В связи с этим отмечается активность антисоветских элементов, которые пытаются дискредитировать решения 18-го съезда партии, а агрессивные действия фашизма (особенно в Испании и Чехословакии) расценивают как признаки растущей силы фашистских государств, близость их столкновения с Советским Союзом и неизбежно поражения СССР»⁹. Приведем и другие характерные высказывания: «Наверное, будет война, она неизбежна. Везде говорят о войне»¹⁰; «А все-таки я не желала бы видеть Гитлера, эти еврейские погромы – это что-то ужасное. Но и наши правители жестоки. Все же так остаться не может. Бог не допустит окончательного торжества безбожья...»¹¹.

Было закономерным явлением, что среди населения, испытывающего явное разочарование советской действительностью, распространялись религиозные настроения. Спецсообщение УНКВД от 22 апреля 1939 г. «Об активизации церковников в г. Вологде» отчетливо свидетельствует об этом: «За последнее время в связи с “великим постом” и религиозным праздником “пасхой” духовенство и церковники г. Вологды значительно активизировали свою деятельность... Обе церкви – Богородская (4500 чел.) и Горбачевская (1000 чел.) были переполнены. Молодежь составляла 15–20 % к общему числу. Народу пришло в два раза больше, чем прошлым году»¹².

⁸ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 1пх. Оп. 2. Д. 1. Л. 292.

⁹ Там же. Л. 136.

¹⁰ Там же. Л. 140.

¹¹ Там же. Л. 142.

¹² Там же. Л. 153.

Аналогичный наплыв верующих наблюдался в церквях Череповца, Сокола, Харовска и других райцентров.

Антисоветские настроения фиксировались не только сотрудниками СПО, но и других подразделений УНКВД, например сотрудниками экономического отдела (ЭКО УНКВД). Так, в спецсообщении ЭКО от 16 апреля 1940 г. «Об итогах агентурно-оперативной работы за 1939 год и о состоянии работы с агентурой по объектам сельского хозяйства» отмечалось: «За весь 1939 г. по линии сельхозотделения экономического отдела арестовано антисоветского контрреволюционного элемента 56 чел. В основном это одиночки, контрреволюционная деятельность которых выражалась в высказывании террористических намерений по адресу руководителей ВКП(б) и советского правительства, в попытке сорвать хозяйственно-политические мероприятия, проводимые в деревне, в распространении провокационных слухов, клеветы и дискредитации политики Советской власти»¹³.

В другом из отчетов ЭКО отмечалось, что по состоянию на 1 ноября 1940 г. на оперативном учете состоит 841 чел., в том числе 6 троцкистов, 5 членов правых партий, 3 эсера, 2 члена «Трудовой крестьянской партии», 96 вредителей, 44 репрессированных и их родственника, 18 церковников, 4 бывших жандарма и полицейских, 2 бывших белогвардейца, 8 бывших членов ВКП(б), исключенных из партии, 10 лиц, «связанных с границей», 43 бывших кулака, 55 «бывших людей», 545 представителей «разного антисоветского элемента». Далее сотрудники ЭКО рапортовали, что за январь – октябрь 1940 г. они арестовали 165 чел. «в большинстве случаев за высказывание враждебных намерений в адрес советского руководства». Из них 35 чел. были осуждены, в том числе на сроки 10 лет – 9 чел., 8 лет – 9 чел., 7 лет – 7 чел., 6 лет – 1 чел., 5 лет – 9 чел.¹⁴

Судя по документам начиная с сентября 1939 г., после нападения Германии на Польшу, население находилось в тревожном ожидании, наблюдая за расширением масштабов мировой войны. Готовясь к худшему, граждане закупали товары повышенного спроса: спички, хлеб, соль. К примеру, в спецсообщениях территориальных органов НКВД указывалось, что отдельные колхозники приобретали в магазинах «по 10 пудов соли и по ящику спичек»¹⁵.

Несмотря на это, вторжение нацистской Германии в СССР стало неожиданностью для абсолютного большинства граждан. Лишения военного времени, выпавшие на долю вологжан, не могли не отразиться на их настроениях. Существенно выросла доля антисоветских

¹³ Там же. Ф. 3пх. Оп. 24. Д. 1. Л. 54.

¹⁴ Там же. Л. 392–393.

¹⁵ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 685. Оп. 7. Д. 42. Л. 68 об.

высказываний, которые тщательно фиксировались органами политического контроля.

Изучение документации НКВД показывает, что мобилизация в Красную армию проходила организованно. Большинство призывников выражали патриотические настроения и желание с оружием в руках защищать Родину. Однако имели место и высказывания, враждебные по отношению к советской власти. Так, 23 июня 1941 г. в деревне Сергиевской Раменского сельсовета Тарногского района гражданка М., комментируя военные действия между СССР и Германией, говорила: «Вот и война началась. Сейчас всех коммунистов перебьют, и советской власти не будет. Жить станем по-старому»¹⁶. При этом под возвращением к «старым порядкам» подразумевались роспуск колхозов и выделение участков земли под личное хозяйство. Приведенные высказывания свидетельствуют о неудовлетворенности части сельчан результатами коллективизации и желанием свести счеты с «коммунистами» за причиненные обиды.

Характерно, что в сознании некоторых советских граждан вина за катастрофическое начало войны возлагалась лично на Сталина, который, по их словам, до войны проводил «прогерманскую политику». Так, 17 сентября 1942 г. бригадир П. в присутствии колхозников говорил: «Неудачи на фронте можно объяснить тем, что раньше сам СТАЛИН немцам продался, т. е. сговорился с ними. До войны все в Германию свалили, вот сейчас Германия питается нашим хлебом и воюет против нас»¹⁷.

Война породила множество слухов и домыслов, которые нередко носили религиозно-мистический характер. Как правило, это были разного рода пророчества о ходе войны и грядущей судьбе России. К примеру, 13 января 1942 г. рабочий К. сельхозартели им. Ленина в присутствии колхозников заявил, что у его свояка имеется книга, где говорится о том, что на восьмом месяце войны советская власть будет уничтожена и во главе страны «станет германский царь»¹⁸.

Наблюдая быстрое наступление германской армии, некоторые граждане делали неутешительные прогнозы для СССР. При этом попытки сталинского руководства повысить боеспособность армии с помощью репрессий воспринимались скептически. Так, 6 сентября 1942 г. заместитель начальника райконторы Тарногского района говорил в беседе с источником: «Ты знаешь, почему наши везде отступают? Потому что у нас везде и всюду измена... Наша армия не хочет воевать, этот коммунизм и советская власть всем надоели. На фронт у нас солдаты идут принудительно (под силой оружия), всех их гонит

¹⁶ ВОАНПИ. Ф. 685. Оп. 7. Д. 48. Л. 9.

¹⁷ Там же. Оп. 8. Д. 42. Л. 62.

¹⁸ Там же. Л. 4.

приказ СТАЛИНА. Если кто осмелится сказать, что он не пойдет или не хочет воевать, то того сразу тут же расстреливают на месте»¹⁹.

Не обходило в своих разговорах население и внешнеполитическую повестку. Противоречивые оценки звучали в адрес союзнических договоренностей между СССР, США и Великобританией. По мнению механика К., результатом этого должен был стать раздел Советской России между иностранными державами, так как «капиталисты с пролетариатом дружно жить не будут»²⁰. Бухгалтер же райконторы «Заготкожсырье» полагал, что Англия и Америка дожидаются, пока Советский Союз и Германия истощат друг друга в войне, и тогда они «продиктуют им свою волю»²¹.

Характерной приметой военного времени было недоверие к средствам массовой информации²². Население получало сведения косвенными путями и, сопоставляя с официальными данными, делало выводы о реальном положении на фронте. Так, один из рабочих Тарногского леспромхоза говорил: «В газетах сообщают, что якобы потери меньше, чем у немцев. Это неправда, это только пишут, чтобы не страшился народ. Мы ведь все видим, у нас в деревне из 10 человек только от 2-х есть известия, что живы, а то – кто с голоду умер, кто ранен, а кто убит...»²³

Наибольшее недовольство населения вызвали нехватка продуктов питания и начавшийся голод. Безрадостную картину положения населения демонстрирует спецсообщение УНКВД «О положении семей военнослужащих», датированное 21 февраля 1942 г. В его основу легли материалы органов военной цензуры. Из изъятых политконтролерами писем явствует, что семьи военнослужащих находились в крайне тяжелом положении. Им не оказывалась помощь в трудоустройстве, снабжении продуктами питания, медикаментами, что ставило их на грань гибели от голода и болезней. Крик отчаяния слышен в письме жены одного из красноармейцев: «Так жить больше не могу. Сдыхать с голоду мне совсем не желательно, а если мы будем жить так, как сейчас, снабжаться на общих основаниях, то это медленное угасание жизни, это голод, это смерть. Сейчас в жизни идет вакханалия, жрут кто посильнее и кто ловчее. Ходить искать правду – смешно, а жить мы хотим. Я говорю, так как я не одна, у меня трое иждивенцев, которые не могут еще работать. О, если бы я была одна, я бы не горевала и не ныла...»²⁴

---

¹⁹ Там же. Л. 58.

²⁰ Там же. Л. 48.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 62.

²³ Там же. Л. 47.

²⁴ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 1пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 273.

По-настоящему безысходным было положение эвакуированных ленинградцев, размещенных на вологодской земле. Одна из бывших жительниц блокадного Ленинграда писала: «Народ совсем как звери. Одним словом, настоящие хамы и ничто другое. Пришла в сельсовет, председатель сидит как зверь, даже не хочет с тобой разговаривать. Говорит: “Много вас таких наехало, хлеба вам не дадим”»²⁵.

С 1 января по 30 апреля 1942 г. органы военной цензуры зафиксировали 42 530 писем с жалобами на материальную необеспеченность²⁶. Данные письма направлялись в соответствующие инстанции для проверки, и, как правило, факты, приведенные в письмах, подтверждались.

Доказательством тому, что органы НКВД вовсе не сгущали краски, характеризуя ситуацию в обществе, являются воспоминания очевидцев тех событий. Так, польский журналист и писатель Густав Герлинг-Грудзинский, посетивший Вологду в январе 1942 г., в своих «Записках» оставил следующий комментарий: «В Вологде в январе 1942 года война не пользовалась особой популярностью. В очередях нарекали на продуктовые ограничения и бестолковую мобилизацию, после которой многие семьи остались совершенно без работоспособных мужчин, а дважды я даже слышал вопрос: “Когда уж, наконец, придут эти немцы?”»²⁷.

«Негатив» был характерен практически для всех категорий населения, даже внешне лояльных к советской власти. Органы НКВД фиксировали «упаднические настроения» среди интеллигенции, особенно среди школьных учителей. Так, преподаватель одной из школ Вологды среди своих коллег говорила: «Что нам зверства фашистов, когда у нас в стране жуткие издевательства, всюду голод, материальная необеспеченность»²⁸. Другая учительница жаловалась: «Интеллигенция в СССР живет хуже всякого безработного в фашистской Германии, хотя и говорят в газетах и по радио о прочности тыла, но он не стальной, может быстро взорваться, как вулкан»²⁹.

«Антисоветские проявления» имели место среди преподавателей и студентов высших учебных заведений. Например, 10 ноября 1941 г. один из преподавателей Вологодского государственного педагогического института, находившийся на работах по сооружению оборонительных рубежей, во всеуслышание заявил: «Без сомнения, мы будем

---

²⁵ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 1пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 286.

²⁶ Там же. Л. 117.

²⁷ Цит. по: Конасов В.Б. На стыке фронта и тыла. Материалы к вузовскому спецкурсу и школьному факультативу «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны» / В.Б. Конасов, Г.А. Акинхов, В.В. Судаков. Вологда, 1999. С. 156.

²⁸ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 1пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 113 об.

²⁹ Там же. Л. 114.

разбиты Германией. Немецкая армия сильнее и организованнее, у нее выше культура и техника, поэтому она и имеет быстрое продвижение войск. Гитлер в занятых немцами районах распускает колхозы, отдает землю крестьянам, освобождает народ от мучений...»³⁰

Еще одной «политически неблагонадежной» социальной группой, судя по документации НКВД, являлись трудпоселенцы – раскулаченные крестьяне, имевшие свой «счет» к советской власти. Характерно высказывание одного из трудпоселенцев Нюксенского района: «От нас теперь требуют, чтобы мы Родину защищали, а что нам эта Родина дает? Да ничего. У Советской России, кроме голода, ничего нет. На что нам такое правительство, которое морит людей?»³¹ Активизацию антисоветских настроений среди раскулаченных крестьян подтверждают данные оперативного учета СПО УНКВД. Так, если до начала войны СПО не было начато ни одной агентурной разработки по трудпоселенцам, то во время войны было поставлено на оперативный учет 39 трудпоселенцев и запущено в производство 5 агентурных дел на 32 чел.³²

В сентябре 1942 г. среди различных слоев населения Вологодской области распространились слухи о том, что советское правительство в целях скорейшего открытия второго фронта в Европе пошло на территориальные уступки и передало Великобритании и США северные области СССР. В частности, один из работников Северной железной дороги шепотом поведал собеседнику: «В Архангельске много англичан и американцев, которые чувствуют себя полными хозяевами. Скоро разделят нашу страну на кусочки»³³. Для противодействия подобным слухам органы НКВД предлагали проводить разъяснительную работу среди населения.

Социальная ненависть, порожденная неудачами первых военных лет, была обращена в первую очередь на партийные структуры и органы НКВД, являвшиеся лицом советской власти. Так, начальник политотдела Шекснинского управления речного пароходства в нетрезвом состоянии заявил: «Сейчас нет настоящих членов партии. Органы НКВД сломали жизнь, не дали развернуться многим людям. Благодаря политике НКВД Советский Союз отдал все немцу. Немец нас победит обязательно, потому что наши руководители больше кричат, чем делают. Все эти тыловые работники НКВД... не будут надежными защитниками. Я лично сам бы всех чекистов перестрелял»³⁴.

---

³⁰ Там же. Л. 156.

³¹ Там же. Ф. Зпх. Оп. 26. Д. 1. Л. 110.

³² Там же. Л. 111.

³³ Там же. Ф. 1пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 152.

³⁴ Там же. Л. 168–169.

О негативном образе органов НКВД в общественном сознании свидетельствуют высказывания самих сотрудников. Приведем наиболее характерные из них: «Я буду работать в органах милиции только пока война, а по окончании войны, на второй же день, убегу вследствие того, что над милицией смеются все, кому не лень»; «Лучше поеду в ряды Красной Армии, на передовую, но не в милиции служить, где авторитета не добьешься»; «Я стараюсь напиться пьяным так, чтобы меня выгнали из органов милиции»³⁵.

Безусловно, война с фашистской Германией, носившая всенародный и освободительный характер, сопровождалась подъемом патриотических настроений. Судя по докладным запискам НКВД, освещавшим ход призывных кампаний, абсолютное большинство призывников приходили в военкоматы «с исключительно патриотическими настроениями». В политдонесении военного комиссара г. Вологды, направленном областному военному комиссару, отмечалось: «Призыв на всех пунктах города Вологды проходил более организованно, чем в первые дни. Политико-моральное состояние призываемых и провожающих хорошее, факты пьянства почти прекратились. На пунктах соблюдается полный порядок, случаев опозданий с явкой незначительное количество»³⁶.

Однако находились и те, кто не желал идти на фронт. С 22 июня по 1 сентября 1941 г. областная прокуратура рассмотрела 59 уголовных дел на лиц, уклонявшихся от мобилизации; 52 дела в дальнейшем были переданы в Военный трибунал³⁷. В первом полугодии 1942 г. на территории Вологодской области были задержаны 2304 дезертира, 1684 лица, уклонившихся от призыва и мобилизации, 1133 нарушителя военно-учетных правил передвижения³⁸.

3 сентября 1942 г. Военный совет 7-й отдельной армии, располагавшейся на территории Вологодской области, принял решение о высылке из прифронтовых районов (Оштинского, Андомского, Вытегорского, Ковжинского, Шольского, Борисово-Судского и Бабаевского) в тыловые области СССР «политически неблагонадежных лиц». К числу последних относились бывшие политэмигранты, жандармы, полицейские, помещики, а также кулаки, торговцы, сектанты, церковники, участники антисоветских партий, уголовники, лица, не имеющие постоянного места жительства, а также члены семей лиц, репрессированных органами НКВД³⁹. По состоянию на 1 октября

³⁵ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 38.

³⁶ Конасов В.Б. Указ. соч. С. 9.

³⁷ Там же. С. 16.

³⁸ Архив УФСБ России по ВО. Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 31.

³⁹ Там же. Л. 83–83 об.

1942 г. в районах Вологодской области насчитывалось 159 военно-обязанных, отстраненных местными органами НКВД от службы в рядах Красной армии ввиду «политической неблагонадежности»⁴⁰.

Вплоть до начала разгрома немецких войск под Сталинградом в ноябре 1942 г. органы НКВД фиксировали широкое бытование «пораженческих настроений». Например, в докладной записке УНКВД «О политических настроениях населения Вологодской области» от 3 октября 1942 г. отмечалось: «Большое количество откликов поступает на продолжающееся наступление немецких войск на некоторых участках фронта. По-прежнему значительное количество высказываний связано также с вопросом открытия второго фронта в Европе... Отдельные представители интеллигенции, рабочих и колхозников высказывают пораженческие настроения и неуверенность в победе Советского Союза в войне с фашистской Германией»⁴¹.

В целом анализ политических настроений вологжан позволяет говорить о том, что советское общество накануне Великой Отечественной войны не было идеологически монолитным. Существовало определенное количество граждан, недовольных политикой советской власти и открыто или латентно выражавших свое недовольство. Основными причинами недовольства являлись массовые репрессии и жесткий идеологический диктат, ужесточение законодательства и трудовой дисциплины, поражения и огромные потери Советского Союза на начальном этапе войны, ухудшение материально-бытового положения населения и психологическая усталость от тягот военного времени.

Вместе с тем война показала, что советская система в экстремальных условиях обладает значительным запасом прочности. Это объективно способствовало росту доверия к власти со стороны населения. Несмотря на трудности и лишения первых военных лет, обусловивших рост негативных настроений среди вологжан, война стала мощным консолидирующим фактором. Победы советских войск в 1943–1945 гг. привели к краху фашистского блока, росту патриотических настроений внутри страны и авторитета СССР на международной арене. Именно война сплотила общество и укрепила режим личной власти И.В. Сталина, который просуществовал до марта 1953 г.

⁴⁰ Там же. Л. 92.

⁴¹ Там же. Л. 86–88.